

Семен СПИВАК:

Сегодня театр должен быть зрителю плечом, на которое можно опереться

ИСПОЛНИЛОСЬ 65 ЛЕТ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ МОЛОДЕЖНОГО ТЕАТРА НА ФОНТАНКЕ

Кроме того, в этом году отмечается 25-летие его работы в театре и 35-летие самого театра. В преддверии празднования тройного юбилея режиссер рассказал корреспонденту «ВП» о депрессии и озарениях, о главных подарках жизни, а также о том, как помогает йога.

— Семен Яковлевич, что беспокоит вас сегодня в жизни или искусстве? В чем болевая точка?

— Я вам расскажу один случай, и вы все поймете. Идет наш спектакль «Три сестры». В первом ряду сидит парень, а около него сидит девушка — с бокалом шампанского. В первом ряду! После антракта. Она мешает страшно — не потому, что разговаривает, а потому, что просто сидит и попивает. А когда ее просят выйти, искренне не понимает, в чем дело. У них любовь! И здесь я даже готов в чем-то понять молодых людей. Но ведь творчество — это в каком-то смысле медитативное состояние. А девушка трезвила артистов, они не могли «опьянеть» сценой. Это меня волнует. Я считаю, что моральная планка сегодня намного ниже, чем нужно.

— Вы сейчас набираете курс при Театральной академии. В чем отличие современной молодежи? Что вас должно зацепить в абитуриенте, чтобы вы его приняли?

— В прошлом году я выпустил курс, и 12 человек вошли в труппу Молодежного театра. Все мы — как большая семья, и если приняли в свою семью этих людей, значит, мы их чувствуем и в них верим. Эти ребята понимают, зачем выходят на сцену. Когда проходил тот набор, из тысяч поступающих наш творческий бинокль увидел, думаю, тех, кто понимает, что такое свет, дух и любовь. Мне кажется, в забрасываемые нами сети попадают именно такие люди. Конечно, отбор абитуриентов — очень сложный процесс, и все-таки... мы смотрим не на то, что ребята умеют, а на то, что они собой представляют. На турах нам важно увидеть то, что невозможно отрепетировать. Что невозможно симитировать. Увидеть личность. Когда кино-режиссера Ренуара, сына великого художника, спросили, что важнее в искусстве — КАК или ЧТО, он ответил: «Важнее всего — КТО». Мне это близко.

— Вы сказали о любви, свете, духе. Но сегодня театр стремится к жесткости смысла, преподносит кризисную, депрессивную картину мира. Как вы к этому относитесь?

— Никак. Этот театр мне жить не мешает. Есть хороший афоризм: «Каждому времени нужно свое искусство». По-моему, во время морального падения не стоит ожесточать искусство, а человека нужно согреть, показать ему какой-то путь. Возможно, я не современно мыслю, но мне кажется, что сегодня театр должен быть зрителю другом, любимым — или любимой, плечом, на которое можно опереться, священником, который прощает грехи...

— Вы как-то сказали, что в период творческого кризиса вам было видение, после которого вы решили освятить театр. Это произошло в начале 1990-х, то есть до того как театральные люди стали бравировать религиозностью, брать благословение на постановку...

— Нет, мы не брали благословения, не ходили на исповеди, и я не христианин. Просто тогда мне важно было осознать, что театр освящен. Мотив был скорее психологический. Да, мы сделали это первыми, но не отвечаем за тех, кто потом превратил это в модное поветрие.

То видение было главным озарением в моей жизни, я понял, в чем заключается философия того, чем я занимаюсь. Но и потом у меня случались озарения, направлявшие меня как человека и режиссера. Мне не давался финал «Дней Турбиных», я мучился, при том

что спектакль шел уже год! И вдруг решение возникло само — как будто эту мысль послали по почте с небес. Я думаю, самые главные подарки в жизни — подсказки сверху.

— Отношения театра и церкви обострились, и порой кажется, что ощущаешь близость духовной цензуры. Но я хотел бы спросить вас о личной цензуре. О самоцензуре режиссера...

— Время сейчас тяжелое, вы не будете спорить? Жизнь полна несправедливости. Человек, обычный человек, которого встречаешь на улицах наших городов, живет трудно. Инженер зарабатывает 15 тысяч. Я преподаю в Театральной академии и знаю, какие мизерные деньги получают педагоги. Но я хотел сказать о людях. Человек смущен, растерян, ему нужно пространство, куда он сможет уйти от этих проблем и поверить, что будет лучше. Он заходит в храм. Видит

распятого Христа — и верит. И это дает ему опору, помогает сохранить лучшее в себе, не стать зверем. Нельзя отбирать у человека опору. Это единственное, мне кажется, чего делать нельзя.

— В одном интервью вы рассказали, как из тяжелой депрессии вас вывела дочь. Эмилия училась в школе и так просила помочь подготовить ей для какого-то выступления письмо Татьяны Онегиной, что вселила в вас веру в себя. Если у вас бывают депрессивные состояния, кто сегодня вам помогает выходить из них?

— Из этого выйти, я думаю, трудно. Можно отвлечь. И увлечь чем-то. Я не знаю, как медицина определяет слово «депрессия», помоему, это когда исчезают чувства и желания. Это тяжелейшее состояние, и счастье, когда находится человек, который переключает тебя, уводит с той точки, в которой ты стоишь, может, несколько месяцев. Но, с другой стороны, такие состояния художнику нужны. В одном китайском дзен-буддийском трактате сказано, что кризис — признак роста. Он дает осознать, что ты сам себе надоед и пора обновляться.

— Я знаю, что вы занимаетесь йогой. Насколько серьезно?

— У меня в Мадриде есть учитель, его зовут Эдуардо Перес. У него там огромный комплекс по йоге. До того как мы познакомились, он 20 лет провел в Тибете и может по пульсу определить состояние здоровья, настроение и даже судьбу. Каждому своему ученику он дает индивидуальные упражнения по дыхательной йоге. Я свои упражнения делаю каждый вечер. И я не одинок, у нас в театре йогой занимаются и актеры.

Труднее всего общаться с людьми. Вы, наверное, это понимаете. Приходишь домой из театра поздним вечером, совершенно выпотрошенный. Поужинаешь и сидишь — ждешь, когда пройдет час, потому что сразу после еды нельзя делать йогу. Потом делаю упражнения, которые длятся 32 минуты (учитель, повторюсь, дает каждому индивидуальную программу). Дышишь — и чувствуешь, что с сознанием что-то происходит. Борьба за здоровье в йоге — идея периферийная. Главное — то, что изменяется сознание, освобождается голова.

— А как это отражается в творчестве?

— Я вижу это по спектаклям. Раньше они были более забыто-взвешенные, потом стали более обобщенные, философские, притчевые.

— У вас есть свой театр, который вы называете семьей, несколько поколений учеников; есть собственно семья, дочь — известная актриса... Со стороны кажется, что все состоялось. Но может, у вас есть острая потребность в чем-то?

— Я не чувствую, что у меня все состоялось, ведь в творчестве остановиться невозможно. Мне очень хотелось бы, чтобы у меня начался новый период. В душе такое ощущение, что все только начинается: я только сейчас понимаю, ЧТО нужно ставить, КАК и ДЛЯ ЧЕГО.

Беседовал Евгений АВРАМЕНКО
Фото Натальи ЧАЙКИ